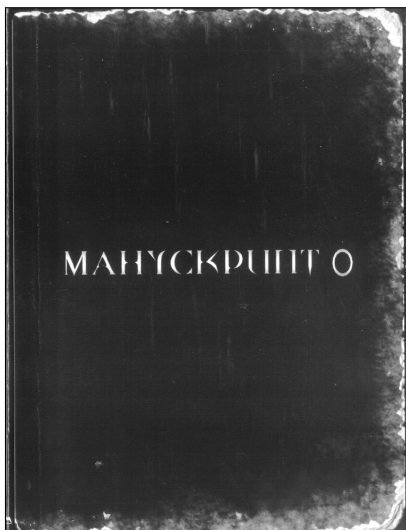

СЛЫШАТЬ КОГО-ТО...

Константин К.
Манускрипто
Одесса, Optimum, 2005

Перед нами первая книга автора, пожелавшего явиться своему читателю инкогнито, под "усеченным" псевдонимом — Константин К. Можно было бы вспомнить об известном прецеденте в российской словесности, когда под псевдонимом К. Р. со своими стихами и трагедией "Царь Ирод" выступал член императорской семьи — Константин Романов. Но думается, что не оглядка на августейшего тезку побудила автора прибегнуть к такому, согласитесь, более приоткрыто-

му псевдониму — сохранив полностью имя, автор фамилию обозначает одной буквой. Элемент интеллектуальной игры, желание сосредоточить в этой одной букве свою родословную, превращение в один символ своей личной истории — может восприниматься как геральдический девиз, выбранный автором для своей первой книги.

Если говорить о формальном содержании книги, то оно невелико: всего лишь несколько рассказов, вернее, композиционно и по смыслу оформленных текстов, по воле автора приобретающих то характер притчи, то — после уроков Станислава Лема и Умберто Эко, Евгения Замятина и братьев Стругацких — фантастических опытов-предупреждений, опрокинутых в прошлое и будущее. Иногда — пронзительных повествований о человеке, о его чувствах, сомнениях, пристрастиях, судьбе...

Словесная ткань, в зависимости от мыслей и чувств, размышлений и наблюдении автора, легко приобретает стилизованный рисунок, оттеняя содержание, высветляя сокровенный смысл.

В "Непотребной артели" с явным использованием речевой орнаментики "народных" или народнических рассказов в бесхитростном, на первый взгляд, развитии сюжета постепенно все более явно начинает звучать

горькая ирония автора, направленная против жестокости социальных утопий, социальных искушений, бесконечными жертвами обращающимися для будущих поколений...

В нескольких рассказах Константина "героями" становятся вещи ("Свой тайный смысл откроют мне предметы"?), созданные природой или человеком, но по воле автора приобретающие человеческие чувства, мысли, страдания, достоинства, пороки, — одержимые гордыней, желанием любви и стремлением к воле, тщетой суеты и изъяснами несовершенства.

Каждый из таких героев становится неким абсолютом. В этой изощренной ограненности символики, на мой взгляд, есть даже некая холодность умозрительной конструкции. И на этом фоне более щемящим и пронзительным читается горький рассказ о собачьей жизни, о полном человеческого (или все же собачьего?) достоинства Чарли, о его противостоянии хозяйским питбулям. И в который раз приходит горькая мысль: не общий ли это наш удел — разделить, стать — кому многочисленными Чарли, кому хватаящими их питбулями?..

"На пустырях уже пылали елки...", и среди них та одна из миллионов новогодних елок, героиня Константина, судьба которой тоже предрешена изначально. Исход известен, но читателю этого вроде бы простенького рассказа не становится веселее, ибо за этим простым образом маячат человеческие судьбы.

Меньше всего, кажется, автор хочет примерять на себя маскарадные одежды прорицателя, пророка. У него слишком для этого трезвый ум. И все же, читая некоторые из его текстов, вспоминаешь древнюю мудрость: "Во многом знании много печали". Без неуместных пафоса и риторики своими представлениями об опасностях, грозящих человеку, цивилизации, делится Константин со своим читателем в надежде, что тот его услышит. Ведь "Слышать кого-то — это вовсе не так просто, как думают многие". Трудно не согласиться с этим справедливым и печальным умозаключением автора книги.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ